

щение заставило Ф. И. переменить направление и вместо Москвы отправиться в Петербург.

Прибыв в Петербург, Ф. И. встретился там с некоторыми земляками, которые усиленно стали советовать ему поступить в университет. Ко времени приезда в столицу у Ф. И. в кармане оставалось всего 15 рублей, и мысль о поступлении в новый институт, где он мог бы учиться, не заботясь о добывании средств к существованию, его очень соблазняла. Однако старая мечта об университете взяла верх, и Ф. И. оказался студентом историко-филологического факультета Петербургского университета.

Жизнь в университетском городе была для Ф. И. очень тяжелой. Он поселился очень далеко от университета, на Охте, где за уроки получил комнату и стол, и ради экономии должен был пешком ходить в университет. Родители к этому времени умерли, и Ф. И. приходилось помогать своим младшим братьям. В университете Ф. И. попал в среду наиболее выдающихся студентов, из которых многие впоследствии выдвинулись в различных областях русской науки и культуры. Наиболее близкими из его друзей были И. Н. Жданов, Д. Ф. Беляев, П. И. Анненков и П. И. Аландский, а среди более старших — В. И. Срезневский, А. С. Будилович, И. В. Помяловский и Ф. И. Фортинский.¹

Из своих преподавателей Ф. И. всегда особенно вспоминал о читавшем греческий язык К. Я. Люгемиле, слависте В. И. Ламаанском и К. Н. Бестужева-Рюмине. Ф. И. в своих воспоминаниях о своих университетских годах с благодарностью говорит о К. Я. Люгемиле, который ввел его в понимание истории и критики текстов, хотя часто при этом приходилось тратить целые часы на объяснение 2—3 строк греческого историка.²

Интересно проследить, кому обязан Ф. И. Успенский в направлении его научных интересов в сторону византиноведения. Это направление не могло быть вызвано влиянием В. Г. Васильевского: когда Ф. И. был уже на последнем курсе университета, В. Г. Васильевский был еще только молодым начинающим доцентом. Сам Ф. И. неоднократно указывал в своих воспоминаниях, что толчок к изучению истории Византии он получил у К. Н. Бестужева-Рюмина. „Никто из моих профессоров в университете, — писал впоследствии сам Ф. И., — не имел такой высокой идеи о значении, которое

¹ V. N. Beneševič. Théodore Uspenskij. Essai de biographie. L'art byzantin chez les slaves. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij, Paris, 1932, p. II.

² Ф. И. Успенский. Петербургский университет в 1867—1871 гг. по воспоминаниям студента. Дела и дни, I (1920), стр. 166.

³ Византийский Временник, том I (XXVI)